

Вадим Скуратовский
Верность себе

История XX века внезапно повернулась вокруг своей оси — и великое множество ее репутаций превратилось в пыль и прах. Ох, сколько же конформистов бросились вдогонку за историей! Вчерашние атеисты давно уже истово крестятся; вчерашние сторожа казенной экономики нынче свирепые «рыночники»; жандармы теперь записные либералы. Некогда пыльные интернационалисты — яростные патриоты.

У меня такое впечатление, что в этом городе и мире не переменялся только Мирон Семенович Петровский. Всегда, впрочем, отвергавший столь удобную для большинства (да и для меньшинства тоже) тиранию истории, предпочитавший ей свой внутренний, весьма строгий, распорядок.

Разумеется, это было замечено давно, очень давно. И «органами», и их попутчиками.

...На исходе сомнительной оттепели один из ее поэтов — бард и либерал — советовал своему собеседнику: хочешь уцелеть — держись подальше от Петровского. Поэт тот, скажем так, вполне уцелел. Вот только поэзия, по собственному его выражению, ушла от него. Можно себе лишь представить, что было бы, если бы он все же продолжал писать стихи. Ведь в сущности, вся литература «поэтов», пытавшихся «уцелеть», представляет собой нескончаемую аварию их талантов.

Метод же Петровского-литературоведа, строго параллельный методу самой его биографии, с годами только крепчал, становился все объемнее и пронизательнее. В том же ритме, с каким наглый конформизм уходил из художественной

(и всякой другой) реальности, критические и историко-литературные работы Петровского к ней приближались. Оттого и печатались они, разумеется, редко. А если печатались, то в своей основательности выглядели достаточно странно в тогдашних журнальных книжках и сборниках, переполненных благонамеренной советской графоманией.

Но куда чаще те работы не печатались, в упор расстрелянные так называемыми внутренними рецензентами издательств. На их совести и гибель фундаментальной книги о Маршаке, и сборника статей о детской литературе, и исследования о поэтике цирка (может быть, лучшее во всем мировом цирковедении). Одни «рецензенты» это делали от трусости, другие — по глупости, третьи — из подлости. А некоторые по всем причинам сразу.

Уж очень эти книги были непохожи на то, что в ту пору считалось литературой. Петровский с самого дебюта был всецело сосредоточен на предельной серьезности и значительности и структурности любого подлинного художественного жеста. Оттого и избрал для исследования самую трудную и ответственную из всех литературу — детскую. Часть ее деятелей, вроде Михалкова или совсем уж одиозных киевских его двойников, в те времена непременно уходили из детской словесности в литературные сановники, а то и в литературные палачи. Но существовал в ней и совершенно героический массив художественной подлинности, означенный, в первую очередь, именами Корнея Чуковского и Самуила Маршака. Им-то и посвятил молодой Петровский свои первые блестящие — монографии. Цензура, конечно, искажала, а то и запрещала те книги. Но как много значило для самого автора общение с теми нестигаемыми стариками! Элегически говоря, последними русскими писателями! Ведь Маршака в литературу вводил сам Стасов, для которого смерть Пушкина все еще была тяжким воспоминанием. А Корней Иванович Чуковский, у которого Мирон Петровский некоторое время был литературным секретарем, сам являлся как бы литературным секретарем «серебряного века».

Такой вот был у молодого Петровского литературный институт и курс. Так что было от чего отложиться и к чему примкнуть. Одна маленькая читательница, изумившись тому, что Пушкин писал «и для взрослых», назвала его «детско-взрослым писателем». «Детско-взрослые» работы Петровского поражают своим блестящим проникновением в само «зазеркалье» этой литературы, в ее морфологию. Это же нужно было увидеть (и весьма убедительно) в приключениях Буратино отзвуки литературного и театрального спора кающегося графа Алексея Толстого с символизмом Блока(Пьеро) и авангардизмом Мейерхольда(доктор кукольных наук Карабас-Барабас). Да и тогдашние обобщающие наблюдения критика над тем, что самоназвалось «советской литературой для детей», весьма поучительны.

...Его сборник статей вынули из типографской машины чуть ли не в день начала советской интервенции в Чехословакию. Вообще история того, как Агния Барто, Лев Кассиль и какой-то Богдан Чалый травили автора иначе о детской литературе мыслящего, могла бы сегодня показаться даже занимательной. Если бы не одно драматическое обстоятельство: среди бела дня происходило самое настоящее литературное убийство. Грозящее преломиться в убийство гражданское. Ученого словно предупреждали: хотите уцелеть, Петровский, — держитесь от нас подальше.

Но Мирон Семенович ушел из детской литературы не из страха. Просто поле его видения расширилось, захватывая новые имена и предметы. Блок, Леонид Андреев, Маяковский, Юрий Олеся, Михаил Булгаков и многие другие. А также и еще один врачеватель человеческих душ — Януш Корчак, даже саму свою смерть превративший в навечное педагогическое назидание людям. И наконец Киев-город, таинственно сохраняющий душу живую, едва ли не метафизическую свою независимость. И даже русский романс, чьим главным условием существования, по разумению Петровского, ныне повсеместно признанного автора самых авторитетных трудов в этом

жанре, является лирическая отстраненность от мира. Необходимое от него уединение.

Но такое уединение, увы, только в романсе и возможно. Сам же мир, оскорбленный независимостью тех чрезвычайно дельных суждений, неумолимо травил их автора. Петровскому к той злобе, впрочем, было не привыкать. Еще в начале 60-х вокруг него и его киевских друзей разразился оглушительный дубянско-провокационного толка скандал, известный и по сию пору под названием «конца литературной забегаловки». (Недавно единственно из историографического любопытства я перелистал текущую публицистику автора мерзкого пасквиля в газете «Сталинское племя», с которого и началась на десятилетия растянувшаяся травля Петровского. Оказалось, совсем как у Хемингуэя, которым тогда зачитывалась «забегаловка»: «какой сволочью был, такой и остался». Так что с другого конца мира тоже наблюдается некое постоянство...)

...Петровскому, и автору, и человеку, свойственен удивительный слух на историю, каковая, по его словам, представляет собой «дуэт тенора и Везувия». Но метод его человеческого существования заключается как раз в непрестанном сопротивлении взбесившимся стихиям истории. Трудно. Голодно. Даже опасно. Но ведь должно уцелеть — человечеству. А не только его экс-поэтам.

Впрочем, в самой истории, наконец, все же что-то сместилось. В литературных кругах бывших советских столиц давно уже почитается некоторым неприличием плохо отзываться о Мироне Петровском и его работах. В одной влиятельной московской газете вдруг прочитал такое: именно шестидесятикам мы обязаны появлением таких фигур как Мирон Петровский и Дмитрий Пригов. Как говорил Гамлет, «что-то не совсем понял, ну да ладно». Рад и этому запоздалому признанию.

А также тому, что сын юбиляра Иван уже где-то профессорствует, а дочь Катя, блестяще защитив диссертацию о поэте Ходасевиче, уже нянчит своих дочек — маленькую Марусю

и Розы в Берлине. Рад и тому, что сам Петровский продолжает столь же блестяще писать. Ведь, как сказал один из учителей юбиляра, последнее слово о мире еще не сказано, оно впереди, и, по-видимому, всегда будет впереди.

Все сочиненное Мироном Семеновичем Петровским, человеком, решительно не пожелавшим подчиниться истории, — служение и приближение к тому слову.

Что может быть лучше такой участи?

Строки эти были написаны еще до нынешнего юбилея замечательного автора. Так ведь он с той поры ничуть не переменялся...